

Глава 8

Переулок Лоханей

В переулке Лоханей одна большая усадьба только-только справила поминки. Покойника уже предали земле, но поминальный алтарь разобрать еще не успели.

Посреди двора на коленях стоял юноша, облаченный в траурные одежды из грубой мешковины и белую сыновнюю шапку. На вид ему было от силы девятнадцать лет: широкие брови, крупные глаза... Из-за вечного недоедания он казался совсем хлипким — того и гляди ветром унесет.

Звали этого молодого хозяина Вэнь Ци. Когда-то его род процветал, но к нынешнему колену вконец обеднел, оставив наследнику лишь ветшающую дедовскую усадьбу.

В округе поговаривали, будто последний глава дома Вэнь — никчемный повеса и расточитель. Никакому ремеслу он так и не выучился, зато питал непреодолимую страсть к игре: целыми днями пропадал в игорных домах, грезя о легком богатстве.

Став главой семьи, Вэнь Ци пустил прахом остатки состояния. В доме не осталось ни единой души прислуги. Проводив в последний путь престарелую матушку, непутевый сын остался один-одинешенек и теперь выживал как мог.

Слава о нем как о беспутном бездельнике гремела по всей округе, и соседи при одном упоминании его имени лишь презрительно морщились.

Долгов перед ростовщиками накопилось столько, что доходы давно не покрывали расходов; завидев сборщиков податей или кредиторов, Вэнь Ци спешил убираться подобру-поздорову.

Когда мощна окончательно опустела, а из лавки ростовщика наведались за выплатами, он просто запирался изнутри, притворяясь, будто усадьба пуста.

После кончины матушки Вэнь сыну пришлось залезть в последний, самый кабальный долг. Выскребши все закрома дочиста, он все же сумел устроить достойные похороны.

Теперь же домашний чан для риса опустел окончательно. Единственным уцелевшим достоянием оставалась родовая усадьба. Вот только стояла она на таком отшибе, что гроша ломаного не стоила. Несколько покупателей, заглянувших прицениться, назвали столь ничтожную сумму, что Вэнь Ци счел это прямым оскорблением памяти предков.

А ведь их усадьба стояла на благодатном месте! Сразу несколько мастеров фэншуй в один голос твердили, что здешние потоки энергии сулят процветание.

Оказавшись на краю пропасти, Вэнь Ци не нашел ничего лучше, как воззвать к небесным заступникам и попытать счастья.

Тот старый даос когда-то уверял, что мальчишке предначертана духовная стезя. Вэнь Ци прожил на свете без малого двадцать лет, но так и не понял, где же таится его мистический дар.

Минувшей ночью разразилась жестокая гроза. Грохот грома и всполохи молний не давали ему сомкнуть глаз до самого утра.

А едва рассвело, он содрогнулся, увидев в Западном городе багровое зарево. Пламя бушевало не утихая, стремясь лизнуть самые облака.

Настоящее знамение!

Разве могло случиться нечто более таинственное и зловещее?

Вэнь Ци мгновенно уверовал в чудо. Если не молить богов о милости сейчас, то когда же еще?

Для подношения духам требовались дары, а время не ждало — юноша панически боялся, что небесное знамение растает без следа.

Обыскав все углы, он с горечью убедился, что последняя безделушка давно снесена в ломбард. Делать было нечего — оставалось лишь пасть ниц прямо под открытым небом и молить о пощаде.

Вэнь Ци с размаху рухнул на колени и, истово сложив ладони, взмолился:

— Небесный владыка! Я совсем пропал! Сделай так, чтобы я разбогател в одночасье, яви милость!

Он с надеждой задрал голову. В вышине лениво проплывало пушистое облако, словно насмехаясь над нелепыми мольбами непутёвого бедняка.

Окажись рядом прохожий, он наверняка покатылся бы со смеху: надо же быть таким простофилей, чтобы верить в щедрость глухого неба!

Но Вэнь Ци вовсе не был глупцом. В детстве он три дня горел в сильнейшем жару, угасая на глазах. Случайный странствующий даос начертал на его предплечье защитный символ, и уже к ночи болезнь чудесным образом отступила.

Вся семья тогда рассыпалась в благодарностях. Они хотели щедро одарить спасителя, да только в доме уже тогда шаром покати было.

Даос лишь добродушно отмахнулся. Он взял маленькую ладошку мальчика, то щупая пульс, то внимательно разглядывая черты его лица, и загадочно улыбался.

Родители затаили дыхание, надеясь, что их ненаглядное чадо заберут в святую обитель на обучение. Но монах и не думал предлагать ничего подобного. Он лишь тихо промолвил:

— А у этого малого великая судьба. Ему предначертана встреча с истинным бессмертным.

От этих слов все семейство Вэнь пришло в неописуемый восторг. Им показалось, что черная полоса наконец сменилась белой.

Как бы не так! Стоило старцу скрыться за воротами, как дела пошли из рук вон плохо. За за что бы они ни брались, все оборачивалось прахом и убытками.

Ныне же долги выросли до небес.

Матушка почила, а Вэнь Ци так и не дождался обещанного благословения.

Теперь, когда петля долгов окончательно затянулась на его шее, а обещанное чудо все медлило, несчастному юноше оставалось только одно — отправиться на пустырь за городом и удавиться на суку.

Подумав, что, должно быть, просит слишком многого, Вэнь Ци торопливо поправился:

— Не надо великого богатства! Спаси от позора, помоги долги отдать! А я за то расшибу лоб в благодарственном поклоне!

Вокруг по-прежнему царила тишина. Верно, небесные силы испытывали его веру на прочность.

Вэнь Ци трижды со всей силы приложился лбом к утоптанной земле.

«Готов в будущей жизни обратиться рабочим волом, а в этой — творить лишь добро, только яви знамение!..»

— Почтенный...

От неожиданного голоса юноша так и подпрыгнул. Неужто боги наконец снизошли к его мольбам?

Он порывисто обернулся, но готовая сорваться улыбка тут же застыла на его губах: посреди запущенного двора стояли двое незнакомцев.

Оба были облачены в алые подвенечные платья. Одежды промокли насквозь и облепили тела, а на запястьях у них багровели свежие потеки крови.

В голове у Вэнь Ци словно петарда разорвалась. Книг он отродясь не читал, зато страшных сказок наслушался вдосталь.

С первого взгляда перед глазами встала жуткая картина их безвременной кончины: несчастных наверняка сначала пытали, полоснув по венам, а после заживо утопили в глубоком колодце.

Он ведь звал бессмертных заступников! Зачем же к нему явились эти утопленники?

Вэнь Ци дико завопил:

— Призраки! Спасите!

Су Цзюгуй опешил. Будучи почтенным бессмертным владыкой, он привык, что смертные почитают его чуть ли не как святого, питающегося чистейшей духовной энергией. Ни разу в жизни его не принимали за заурядную нечисть.

Впрочем, он тут же усмехнулся про себя. В таком виде сойти за выходца с того света было парой пустяков.

Поначалу Су Цзюгуй намеревался разыскать человека, отмеченного искрой духовного родства. Поглядев на бьющегося во лбу юношу, он отметил, что тот и впрямь обладает неплохими задатками для постижения Дао.

Но теперь эта мысль казалась нелепой. Он больше не великий старец, так к чему цепляться за прежние привычки праведных затворников?

Сейчас он — всего лишь лисий оборотень. И даже если он захочет взять этого паренька под крыло, захочет ли сам Вэнь Ци связываться с демоном?

Стоило Су Цзюгую мягко улыбнуться, как Вэнь Ци мгновенно умолк, ошеломленный увиденным.

Незнакомец был неописуемо красив. Даже растрепанные, промокшие до нитки волосы, превращавшие его в подобие речного духа, не портили этой благородной, утонченной красоты.

Говорят, злые духи нередко принимают обольстительный облик, но от улыбки этого человека веяло весенним теплом. Весь его облик лучился безмятежностью, словно в подлунном мире не существовало силы, способной его потревожить.

Нет, покойники так себя не ведут.

Настоящие призраки, как уверяли старожилы, свирепы и навязчивы, а от этого гостя исходил лишь покой.

Вэнь Ци робко подал голос:

— Вы... к кому-то пришли?

— Поднимитесь с колен, — мягко ответил Су Цзюгуй. — Не гоже вести беседу в такой позе.

Юноша растерялся, лишь сейчас сообразив, что все еще стоит на коленях в грязи. Попытаться вести светский разговор, задрав голову кверху, со стороны выглядело нелепо и глупо.

Одно дело — кланяться Небесному закону, и совсем другое — пресмыкаться перед случайным прохожим.

Густо покраснев, он торопливо поднялся на ноги и отряхнул подол:

— Прошу простить... И давно вы здесь стоите?

«И как я умудрился не услышать шагов?» — промелькнуло в его голове.

Вламываться в чужие владения без спроса претило правилам приличия, поэтому Су Цзюгуй без зазрения совести соврал:

— Мы постучали в ворота, но вы, должно быть, были слишком заняты молитвой.

Вэнь Ци растерянно охнул. Действительно, он так истово взывал к богам, что начисто позабыл о внешнем мире.

«Значит, он видел все мое позорище?» — у юноши похолодело внутри.

«Видел, как я глупо бьюсь лбом о землю и клянчу у неба легких денег?»

От стыда у него потемнело в глазах. В этот миг ему больше всего хотелось провалиться сквозь

землю или удариться головой о косяк и отправиться вслед за покойной родительницей.

Сяобай лишь едва заметно усмехнулся. Надо же, этот великий праведник лгал столь легко и изящно, что несчастный простак верил каждому его слову.

— Так... кто вы будете? — смущенно кашлянул Вэнь Ци.

— Мы прибыли издалека, — степенно произнес Су Цзюгуй. — Хотели проводить усопшую в последний путь.

Вэнь Ци так и замер. Проводить в последний путь? Его матушку? Должно быть, перед ним стояли дальние родственники, о которых он и не ведал.

— К сожалению, вы опоздали, — тихо вымолвил юноша. — Матушку предали земле три дня назад.

Траурное убранство еще не убрали, и весь двор тонул в унылой белизне бумажных лент и фонарей.

Су Цзюгуй, разумеется, лишь разыгрывал спектакль, а потому виновато склонил голову:

— Приношу свои соболезнования. Мы не хотели тревожить ваш покой.

Вэнь Ци замялся, но все же предложил:

— Раз уж проделали такой путь... Не откажетесь ли возжечь благовония у алтаря?

Незнакомцы выглядели странно в этих свадебных одеждах, но Вэнь Ци рассудил, что у каждого свои чудачества. Главное — они проделали долгий путь под проливным дождем ради его усопшей матери.

С тех пор как их дом пришел в упадок, вся родня и прежние друзья отвернулись от них. За все дни траура никто не переступил этого порога, и неожиданное почтение чужаков глубоко тронуло его сердце.

Отступать было поздно. Су Цзюгуй молча проследовал в дом, чтобы исполнить поминальный обряд у поминального алтаря.

Сяобай бесшумно скользнул следом, тоже потянувшись за палочкой благовоний.

Су Цзюгуй поднес фитиль к углям, но не спешил вставлять благовония в курильницу. Его

взгляд упал на деревянную табличку с именем усопшей. На ней явственно проступал зыбкий след чужого присутствия.

Осколок неприкаянной души.

Подобное нередко случалось среди простых смертных: если уходящий в мир иной излишне тревожился о тех, кого покидал, малая часть его духа цеплялась за земную обитель.

Очевидно, материнское сердце никак не могло успокоиться, сокрушаясь о судьбе непутевого сына.

Легкий дымок поплыл от тонких палочек в руках Су Цзюгуя. Полушепотом он зачитал строки Молитвы Упокоения, облегчая душе усопшей переход за грань.

Пусть вся история о родстве была чистейшей выдумкой, священные слова заклęcia звучали с истинной силой истинного бессмертного.

Ныне Су Цзюгуй лишился возможности творить боевые чары, но целительные и мирные заклинания все еще подчинялись ему. Глупый Вэнь Ци даже не подозревал, какую великую милость снискала его матушка, удостоившись личной Молитвы Упокоения от самого Бессмертного почтенного Юньцзи.

Молитва была краткой. Когда Су Цзюгуй бережно опустил палочки в пепел курильницы, сизый дым мягко окутал поминальную табличку.

Тень, цеплявшаяся за дерево, окончательно и безболезненно растаяла.

Теперь ее путь лежал к вечному покою — земные тревоги больше не тяготили ее дух.

Вэнь Ци, не сведущий в тонкостях магии, не уловил сути происходящего. Однако сосредоточенное выражение лица гостя убедило его: этот благородный господин действительно питал глубокое уважение к их дому.

Пускай небеса и проигнорировали его молитву, появление столь великодушных гостей согрело исстрадавшуюся душу юноши.

Вэнь Ци почтительно поклонился, сложив руки перед грудью:

— Могу ли я узнать ваше благородное имя?

Родовое воспитание давало о себе знать — парень твердо решил запомнить благодетеля, чтобы

при первой же возможности отплатить добром за добро.

— Меня зовут Су Цзюгуй.

«Су?» — мысленно переспросил Вэнь Ци. Никаких друзей или родственников с такой фамилией он не припоминал.

Су Цзюгуй без тени смущения добавил новую ложь:

— В прежние времена мои предки были глубоко обязаны вашему роду за оказанную милость.

«А, вот оно что... Старая дружба дедов», — облегченно вздохнул юноша. Неудивительно, что до него эти предания не дошли.

Рассказывая складную небылицу, Су Цзюгуй поведал, будто они ведут уединенную жизнь в глухих горах и, лишь недавно прослышав о кончине госпожи Вэнь, поспешили выразить почтение, да только не успели к погребению.

Он нарочно не стал прояснять, кем же является на самом деле — человеком или демоном, предоставив хозяину дома самому сделать выводы.

Видя, в каком плачевном состоянии находятся промокшие до нитки гости, Вэнь Ци, несмотря на всю свою нищету, не мог позволить им стоять на пороге.

— Вы промокли до костей, — засуетился он. — Не считите за труд, присядьте с дороги. У меня найдутся сухие одежды, пусть и простые.

Су Цзюгуй не планировал задерживаться. Смертные не должны страдать из-за его проблем. Сейчас, когда на него наверняка объявлена охота, любое лишнее мгновение в этом доме могло навлечь беду на невинного юношу.

Он уже открыл рот, чтобы вежливо отказаться, когда молчавший доселе Сяобай внезапно спросил:

— Твоя усадьба продается?

Вэнь Ци остоленел:

— Что?..

С чего вдруг этот странный юноша заинтересовался его развалюхой?

Даже Су Цзюгуй удивленно приподнял бровь. Сяобай же, проигнорировав его взгляд, невозмутимо пояснил:

— Мне нравится этот двор.

Дракон еще раз обвел взглядом усадьбу. Ее фэншуй действительно был безупречен. Все чистокровные создания чутко реагировали на концентрацию сил природы, а это место прямо-таки дышало первозданной, нетронутой энергией земли.

Он смотрел на ветхий забор своими странными белесыми глазами, словно ребенок на занятную игрушку. В его облике сквозила детская непосредственность, выдававшая избалованного наследника богатого клана.

На лице его не отражалось ни тени злого умысла. Черты лица казались мягкими, почти женственными — этакая нежная, беззащитная повелика, не способная причинить вред даже мухе.

Лишь пугающе чистая белизна его глаз заставляла закрадываться смутным сомнениям.

«А его спутник... — Вэнь Ци украдкой глянул на изящный профиль Су Цзюгуя. — С его лукавой красотой он так похож на лисьих оборотней из дешевых столичных романов».

Деньги юноше требовались позарез, но рассудок еще не полностью покинул его. Стоило ли отдавать родовое гнездо в руки столь подозрительных личностей, пусть даже они казались безобидными?

Сяобай небрежным жестом извлек из-под алых складок тяжелый кошель и бросил его прямо в руки Вэнь Ци.

— Ну так что? Продаешь?

Су Цзюгуй был знаком с этим взбалмошным драконом всего несколько часов и не собирался лезть не в свое дело.

Кто бы ни скрывался под личиной юноши, его пренебрежение к богатству ясно указывало на поистине царское происхождение.

Су Цзюгуй полагал, что Вэнь Ци откажется. На горизонте все еще полыхало багровое пламя — весть о пожаре в Мастерской Цицяо наверняка уже облетела весь город.

Любой мало-мальски разумный человек сразу почуял бы неладное: в смутные времена, когда демоны бесчинствуют повсюду, впускать в дом двух окровавленных чужаков — верное

самоубийство.

Увы, бессмертный недооценил масштабы нищеты Вэнь Ци. Или, точнее сказать, степень его непроходимой глупости.

Юноша машинально поймал мешочек и развязал шелковый шнурок. От нестерпимого блеска золотых слитков и драгоценных жемчужин у него перехватило дыхание. Этого богатства с лихвой хватило бы на покупку сотни подобных усадеб!

Все его неподъемные долги рассыпались прахом перед этой сияющей горой золота.

Выбор между честью и выживанием больше не стоял. Без гроша в кармане и жизнь была не мила.

Сжав сокровище в дрожащих пальцах, Вэнь Ци воззрылся на Сяобая так, словно перед ним предстал сам бог богатства. В голове его билась лишь одна ошеломляющая мысль: «Молитвы к небу... действительно работают!»

Чудо свершилось — он сказочно разбогател в одно мгновение.

Опасаясь, что щедрый покупатель передумает, Вэнь Ци выпалил без малейших колебаний:

— Продано!

Да за такие деньги он готов был не только усадьбу отдать, но и себя самого в вечное рабство записать!

Су Цзюгуй лишь безмолвно покачал головой.

<http://bllate.org/book/18298/1755121>